

— Недавно была премьера «Псковитянки». Вы удовлетворены светлановским спектаклем и состоянием голосов в Большом?

— Светланов *должен* работать в Большом театре — это его дом. Он любит театр, что очень важно. Он досконально разбирается в оперном деле. Но тот состав исполнителей, который ему предложили, был выбран как будто специально, чтобы его уронить. Даже в самом Большом есть певцы получше. К тому же можно и пригласить...

— ...как это делает Валерий Гергиев. Когда он ставил «Мазепу» Чайковского, Марию искали по всей России...

— И искать не надо — это очень просто. Я знаю весь расклад в оперном деле, все возможности, всех новых молодых, исключительно одаренных певцов и певиц — просто ты *спроси*... я все скажу.

Только что я провела в Казани 18-й конкурс имени Глинки. Там был такой богатейший выбор голосов. Конечно, в первую очередь — басы. Как раз тот голос, который необходим для партии Ивана Грозного. Мы прослушали одиннадцать (!) басов, которые уже прошли в третий тур. Кажется — вот все исчезнет, а... басы в России останутся. Большой театр дал эту роль певцу второго положения. Специально? Обидно! Мой консерваторский аспирант Аскар Абдразалов уже получил пять или шесть первых международных премий. Живет он в Уфе, но уже непрерывно гастролирует. Три года подряд он пел на веронской арене, только что пел Кочубя в Ла Скала, сейчас поет в Барселоне. И красавец к тому же.

— У исполнительницы партии Ольги голос звучал временами красиво, но общего впечатления не получилось.

— В одном составе певица поет неровно, в другом — более теплая и женственная, лиричная, но... ни одного слова не понять. Я Оле Рубиновой еще не звонила, но обязательно все скажу. Самое печальное и грустное, что у Светланова, гениального музыканта, неприятия с его оркестром. Я считаю, что музыканты Госоркестра чересчур амбициозны. Они интересны под руководством Светланова. Они берут пример с Запада. Там действительно оркестр и его ядро выбирают себе дирижера.

— Вы недавно были в Азербайджане на конкурсе Бюль-Бюль оглы, крупнейшего азербайджанского композитора. Потом выяснилось, что именно вы уговорили президента республики взять под личную опеку Государственный симфонический оркестр Азербайджана. Мне говорили, что новость о тройном повышении зарплат музыкантов вы узнали уже в самолете...

— Этот конкурс проводился впервые. Вдохновились организаторы примером Двенадцатого конкурса Плинки, который проходил в Баку. Там лидерами были Хворостовский, Бородина и другие, которые известны сейчас во всем мире. Действительно, первый конкурс два года назад прошел превосходно. Через два года студенты (обратите внимание, именно самые молодые) потребовали проведения очередного конкурса. Сейчас готовится второй...

— В Закавказье и Средней Азии встречаются хорошие голоса?

— Роскошные голоса! Когда весь мир страдает отсутствием голосов, то все голоса — там!

От климата очень многое зависит. В Средней Азии есть тенора, и рядом, в Грузии, есть тенора, которые весь век пели в Большом театре, в основном были из Грузии. Кстати, и роскошной красоты баритоны тоже. Россия славилась

басами. Так оно и есть сейчас. В Казани три баса получили первые места: Казань, Москва и Киев. Потом были дипломы: Корея и русский парень из Ташкента, которого толком и не учили. А тенора растут на юге.

— И чистейшая интонация должна быть?

— Конечно. Это основа любого пения. Фальшиво петь нельзя.

— Когда вы выступали в театре Шатле, «весь Париж» вам аплодировал. На мой вопрос: кому еще из русских певцов в Европе так аплодируют? — вы предсказали расцвет рус-

берут — говорят, что у нее трудный характер.

— Что грозит певцам?

— Очень многое. Во-первых, режим. Если вокалисты ведут себя вольно, если они меняют партнеров, как перчатки, — просто ничего не выйдет.

— Это опасно для певцы?

— Для певца — тоже. Дель Монако говорил, что певец должен быть монахом. Не настолько, конечно. Без любви тоже ничего не выйдет. Но и развлекаться не получится...

— Вы же были «роковая женщина», Кармен?

Ирина АРХИПОВА:

МЫ — КАК ДЕТИ.

ИГРАЯ, ВЕРИМ, ЧТО ВСЕ ВСАМДЕЛИШНОЕ...

Ирина Архипова взяла и королевской статью, и красотой, и умом. Ей исполнилось 75 лет, а она продолжает петь. И никому не удалось ее затмить — ни Вишневецкой, уж давно сошедшей со сцены, с ее «мраморной красотой», ни даже «самой» Монсеррат Кабалье... На какие только подмошки не ступала нога Архиповой, какие только тенора не клялись ей в любви! Она выбрала лучшего артиста, к тому же «плейбой» Большого театра — Владислава Пьявко, который и есть ее главная опора в любом начинании.

Ни Ла Скала, ни Ковент-Гарден, ни Метрополитен-опера не смогли ее переманить навсегда, хотя было время, когда она должна была привозить из-за границы для себя и своей семьи все: от ботинок до садового шланга, которые мы с ней и искали в Париже сразу после ее блистательного выступления в театре Шатле. Тогда публика вызывала ее во много раз больше, чем ее молодых партнеров.

Архипова осталась в России. Ее сильный и глубокий голос — чистейшего тембра меццо-сопрано продолжает звучать в больших концертных залах России, Европы и Америки. Такое творческое долголетие почти не встречается в мире. К сожалению, в Большом театре певица больше не поет.

Почему Большой театр так легко расстается со своими великими?

ской вокальной школы во всем мире. Это сбилось?

— Много певцов: Лукьянец (колоратура из Кисева, везде имеет контракты), Бурчуладзе (Тбилиси, лауреат конкурса имени Чайковского и того самого конкурса в Баку), Бородина — примадонна Марининского театра, лауреат многих международных конкурсов. И еще несколько десятков наших певцов, которые работают в основном в Европе, особенно в Германии. Аня Нетребко — тоже первая премия конкурса имени Глинки, Мильявичюте — лауреат восьмого конкурса Глинки, Григорян — седьмого...

— Неужели все они прошли через ваши руки и получили ваше благословение?

— Приблизительно так.

— Раньше говорили: на экспорт работаете...

— А что делать? У нас певцов не оплачивают. Раньше хоть были другие замены благополучия, а сейчас ничего этого нет, как бы ты ни пел. Есть одна уникальная певица, которая может петь такие дико трудные партии, которых никто не выдерживает: Абигаиль («Набукко» Верди), Турандот... Но ее в Большой не

(Ирина Константиновна смеется не без удовольствия.)

— В пределах, в пределах... Есть у нас такой анекдот: тенор лежит в постели со своей возлюбленной. Звонит телефон: менеджер предлагает ему петь партию Радомеса... через четыре месяца! Он вскакивает с постели: «Уже через четыре месяца самая трудная партия с нотой «си» второй октавы! А-а-а!!!» Любви не хватает? Действительно, есть определенный режим. Это же физическая нагрузка колоссальная.

— Тенор не должен быть очень грузным?

— Большой тенор — это как раз хорошо, когда он большой, потому что партнерши его чаще всего в теле. И очень грустно, когда он меньше их. А самыми высокими бывают басы. Но они, к сожалению, поют...

— ...демонов, мифистифелей и прочую нечистую силу?

— Нет-нет, у них в основном благообразные партии — отцы, короли, великие инквизиторы. А для теноров написаны и партии благородные — это любовники, герои, страдальцы. А есть характерные тенора — тут все: от юродивых до не-

годяев и предателей. Вроде Матуты и Тучи из «Псковитянки».

— А Гришка Кутерьма из «Сказания о невидимом граде Китеже»? Все помнят премьеру восстановленного спектакля в 1990 году с Владиславом Пьявко в этой роли. Обычно тенора думают только о своем верхнем «до», а Пьявко создавал образ.

— Владислав Пьявко потрясает пел Кутерьму и Тучу. Теперь, даже если исполняют партию хорошо, нет характера Тучи, этого героя псковской вольницы, которая и пошла за ним потому, что он «лихой» был. А если нет залихватскости, дерзости...

знают, понимают и пишут записки: «Только вы-то не уезжайте!»

Певческий режим предполагает непрерывную смену мест, то есть гастролы. Они могут быть везде — и у нас, и за рубежом. Вполне можно было обойтись территорией Советского Союза и везде найти достойную публику. Гастролы за рубеж были необходимы, когда у нас было плохо со шмотками. Они давали возможность купить одежду, технику. Сейчас все есть, никто ничего не везет, едут с одним чемоданчиком.

— Какие-то серьезные творческие кризисы, повороты, которые потрясли вас, были в

— ...вокальной или актерской?

— Это все связано. Певец может лихо себя вести актерски... если ему ничего не стоит верхнее «до» взять. А если он не очень уверен в этом самом «до», он не очень-то разрешит себе вольности.

— Петь в опере — действительно удовольствие? Что это за ощущение?

— Если ты владеешь своим голосом и самые трудные вещи преодолеваешь — это огромное удовлетворение и наслаждение для самого себя. Реакция публики — дополнительная компенсация.

Ты сам становишься инструментом, ты улетаешь за звуком. Когда все получается — испытываешь блаженство.

— Наверняка вас пытались увезти за границу?

— Не пытались. А просто делали конкретные предложения: вы будете здесь звездой. Я отвечала: я и здесь — звезда. «Вы будете богатой». Я отвечала: я и здесь достаточно богата, во всяком случае мне достаточно. У вас будет то-то и то-то. Я говорила: у меня это все есть. Но здесь у меня еще есть моя земля, мои друзья, мои подруги, мои поклонники, которых нужно набирать годами, которые меня

вашей жизни, кроме той смены — архитектура на оперу?

— Разве этого мало? Конечно, смотря как это ощущать. Я думаю, что архитектура стала надежным фундаментом для моего становления как певицы. Недавно исполнилось 250 лет Московской архитектурной школе. В Доме архитектора устроили прием. Было много приглашенных, но на сцену пригласили тех, кто оставил архитектуру ради другой музыки.

Таких оказалось не так уж мало. Я в том числе. Был Женя Завадский, режиссер, сын Юрия Завадского. Егора Шукина уже нет. Был Андрей Макаревич. Говорили о том, что дал каждому Архитектурный институт. Бархину, например, очень много — он стал художником Большого театра, он оформил «Псковитянку».

— Подчеркнуто традиционный?

— Он хотел сделать это в старом стиле, потому что так хотел Светланов. А как еще можно изобразить Псков? Белокаменные глыбы и хоромы Кремля — это сразу характер...

— А когда вышла живая лошадь и неторопливо пересекла сцену — зал устроил овацию. Получилось, что полудухлая кляча «переиграла» всех артистов...

— Неправда, она была в порядке. Их специально выхаживают. Очень чистенькая, красивая. Но вы не поняли, почему так получилось? Потому что надоели эти современные штучки-шмучки. Хватит! Людям нужна естественная красота.

Но мы отвлеклись... Архитектура мне дала основу, прочный фундамент и совершенно иное мышление.

А крестил меня на артистическое поприще не кто-нибудь, а академик архитектуры Иван Исаевич Жолтовский. Когда я пришла в институт, ему все поклонялись. Надежда Малышева, мой первый педагог, была пианисткой, училась у Игумнова и совершенно изумительно чувствовала голоса. Она была другом дома Жолтовских. И научила меня петь.

Я никогда не решала «быть певицей». Певец Большого театра Николай Озеров меня спросил после экзамена: «Ну что, петь будем или строить?»

— Существует столько шуток об интеллекте певцов — говорят, чтобы хорошо звучало, голова у певца должна быть...

— ...пустой. Чтобы быть дураком, не обязательно быть певцом. Их везде предостаточно. Просто в этой профессии иногда хорошего голоса достаточно для карьеры. Голос извиняет недостаток образования, культуры. Если вы только поете и больше ничего не делаете, то можно прожить жизнь дураком.

— А есть дискомфорт оттого, что человек живет с инструментом внутри, как если бы он проглотил скрипку и все время прислушивался: как она себя там чувствует?

— «Заглатывать» свой инструмент как раз нельзя — звучит сдвинуто. Певцы очень чувствительны, голосовые связки реагируют не только на погоду и здоровье, но даже на состояние других певцов. Горло и глотка реагируют «на слушание». Начинаясь слушать певца с плохим звукоизвлечением — и собственный голос садится.

— Что вы думаете о строительном буме в Москве?

— В этом много разного. К реставрации я очень хорошо отношусь. Построили прекрасный театр для Новой оперы. Собираются реставрировать театр Станиславского. Почти построили филиал Большого.

— А Церетели?

— Церетели — художник. Довольно-таки вольный. Он — национальный грузинский художник. У него есть свой стиль. Но этот стиль несколько не состыковывается со стилем Москвы. Он очень добрый и симпатичный человек. Они сошлись с энергичнейшим Лужковым, который ему доверяет. Церетели не строит, основное его направление — скульптура. Это дело вкуса, но на мой взгляд — он мелочит. А с другой стороны, такого грандиозного Петра поставил недалеко от этой Язвы несчастной... Но в этой огромной фигуре тоже есть мельтешение. Склонность к детализации помешала в стиле на Поклонной горе.

— Вы традиционалист?

— Да-да-да! Я не понимаю, зачем это выдрочивание и выпендривание. Столько красоты в жизни, которая может исчезнуть. Ее надо запечатлеть! Вы говорите, певцы — дураки. А сколько художников и архитекторов?

— Кого вы признаете из современных художников?

— Василия Нестеренко. Он сейчас расписывает потолок и своды храма Христа Спасителя.

— Вы верили, что вокруг вас красота, когда на сцене обнимали не березку, а декорацию?

— А как дети. Играя, верят, что все всамделишное...

● Виктория ГАНЧИКОВА

Архипова Ирина

5.3.2000.